

Глава I

НАЧАЛО ПУТИ

1. Зов странствий

Давным-давно, когда люди желали и воплощали свои желания в жизнь, жил один царь, все дочери которого были красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что само солнце, которое столько всего повидало на свете, дивилось ее красоте каждый раз, когда касалось своими лучами ее лица. Рядом с замком этого царя раскинулся большой темный лес, а в лесу под старой липой журчал родник, и в жаркий день царская дочь всегда отправлялась в лес и усаживалась подле прохладного родника. А чтобы чем-то занять это время, она любила брать с собой золотой шарик, с которым любила играть, подбрасывая его в воздух и ловя на лету.

Однажды принцесса не поймала шарик своей маленькой ручкой, он пролетел мимо, ударился о землю и укатился прямо в воду. Принцесса хотела разглядеть, куда он упал, но шарик исчез, родник был таким глубоким, что, казалось, у него нет дна. И тогда она расплакалась и безутешно рыдала все громче и громче. И вот ей послышалось, что кто-то говорит: «Что случилось, Принцесса? Ты так громко плачешь, что можешь разжалобить даже камень». Она огляделась, чтобы понять, кто говорит с ней, откуда доносится голос, и увидела торчащую из воды большую уродливую лягушачью голову. «А, это ты, попрыгушка речная, — сказала она. — Я плачу оттого, что мой золотой шарик упал в родник». «Не надо так плакать, — ответил лягушонок. — Я, конечно, помогу тебе. А что ты мне дашь, если я верну тебе твою игрушку?» — «Все, что ты захочешь, мой дорогой лягушонок, мои платья, жемчуга и драгоценные камни, даже золотую корону, которую я ношу». И лягушонок

ответил: «Не надо мне твоих платьев, жемчугов и драгоценных камней, и короны тоже; но если ты будешь любить меня, позволишь дружить и играть с тобой, если ты позволишь мне сидеть рядом с тобой за твоим маленьким столиком, есть с твоей золотой тарелочки, пить из твоей золотой чашечки, спать в твоей кровати, — если ты пообещаешь мне это, то я тут же нырну на дно и достану тебе золотой шарик». «Хорошо, — сказала принцесса. — Я обещаю тебе все, что ты пожелаешь, если только вернешь мне мой шарик». Но про себя она подумала: «Какую ерунду говорит этот глупый лягушонок! Пусть себе сидит в воде со своими друзьями лягушками, не бывать ему другом человека».

Как только лягушонок услышал обещание, он нырнул, а через некоторое время снова всплыл на поверхность; во рту у него был шарик, который он бросил в траву. Принцесса обрадовалась, увидев свою прелестную игрушку. Она схватила шарик и побежала прочь. «Постой, постой, — закричал лягушонок, — возьми меня с собой; я не могу угнаться за тобой!» Он квакал и квакал изо всех сил, но Принцесса не обратила на него ни малейшего внимания и со всех ног побежала домой, совсем забыв о бедном лягушонке, которому пришлось снова нырнуть в родник¹.

Это один из примеров того, как может начаться приключение. Промаях — казалось бы, чистая случайность — открывает перед человеком мир, о существовании которого он и не подозревал, и он невольно оказывается втянут во взаимоотношения с силами, природу которых понимает неверно. Как указал Фрейд², ошибки — это не просто случайность, а результат подавленных желаний и конфликтов. Это — волны на поверхности жизни, которые питают подземный, невидимый глазу родник. Они могут быть очень глубокими, как сама душа. Промаях может открыть путь к новой судьбе. Так и происходит в этой сказке, где сначала шарик теряется в знак того, что в жизни принцессы должно что-то произойти, появление лягушонка — это второй знак судьбы, а необдуманное обещание — третий.

Лягушонка, который чудесным образом появляется как глашатай вступающих в игру новых сил, можно назвать «предвестником»; критический момент его появления — это «зов странствий и приключений». Предвестник может призвать к жизни, как в данном случае, или, в более поздний момент жизненного пути — к смерти. Он может оповестить о важном историческом событии. Он может знаменовать религиозное озарение. Мистики называют это «пробуждением Самости»³. А для принцессы из этой сказки он знаменует начало юности. Будь этот зов громогласен или едва различим, на какой стадии или этапе жизни он бы ни приходил, он всегда возвещает начало таинства преобразования — обряд или момент духовного перехода, — к смерти и рождению. Привычные рамки жизни стали тесны; старые понятия, идеалы и эмоциональные стереотипы изжили себя; пришло время переступить порог.

Обычными для такого зова декорациями являются темный лес, большое дерево, журчащий родник и отталкивающий, и потому вызывающий неправильную оценку, внешний вид глашатая судьбы. В этой сцене мы различаем символы центра мироздания. Лягушка, маленький дракон — это детская версия змея из преисподней, голова которого подпирает землю. Он олицетворяет глубинные, дарующие жизнь, демиургические силы. Этот маленький дракон поднимается с золотым солнечным шаром, который только что поглотили темные воды: в этот момент маленький лягушонок уподобляется великому китайскому дракону Востока, несущему в своей пасти восходящее солнце, или лягушке, на голове которой восседает юный бессмертный Хан Хсиань с корзиной персиков бессмертия в руках. Фрейд выдвинул предположение, что всякое состояние беспокойства воспроизводит болезненные ощущения, переживаемые ребенком в момент первого отделения от матери — затрудненное дыхание, прилив крови и т. п., то есть ощущения кризиса рождения⁴. И наоборот, всякий момент разобщения и нового рождения вызывает чувство тревоги. Будь то царское дитя, стоящее на пороге выхода из незыблемого блаженного своего единства

с царем-отцом, или божия дочь Ева, уже созревшая к тому, чтобы покинуть идиллию райского сада, или достигший высшей степени сосредоточения Будущий Будда, на пути к последним горизонтам сотворенного мира, — во всех этих случаях активируются одни и те же архетипные образы, символизирующие опасность, утешение, испытание, переход и загадочную святость таинства рождения.

Ил. 11. Апис в обличье быка переносит усопшего в обличье Осириса в подземный мир (резьба по дереву). Египет, 700–650-е гг. до н. э.

Вызывающие отвращение и отвергнутые лягушка или дракон из сказки поднимают из пучины солнечный шар, держа его во рту; лягушка, змей, отверженный — символизируют те глубины бессознательного («такие глубокие, что кажутся бездонными»), где пребывают все отвергнутые, непризнанные, неизвестные

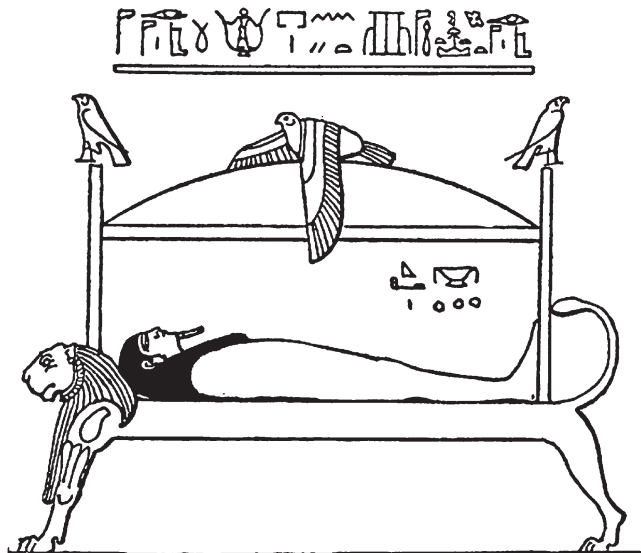
или не поддающиеся определению факторы, законы и элементы бытия. Это жемчуга сказочных подводных дворцов русалок, тритонов и других водных стражей; это драгоценные камни, освещающие города демонов в подземном мире; это семена огня в океане бессмертия, который несет на себе Землю и окружает ее подобно змее; это звезды в глубинах вечной ночи. Это золотые самородки из клада дракона; запретные яблоки Гесперид; завитки золотого руна. Поэтому предвестник, или глашатай, приключения часто оказывается мрачным, отвратительным, вселяющим ужас или зловещим с точки зрения обыденного окружающего мира; но если последовать за ним, откроется путь через границу дня во тьму ночи, где сверкают драгоценные камни. Предвестником также может выступать зверь (как в сказке), который символизирует наши подавляемые инстинктивные животворные силы. Или, наконец, — это завуалированная таинственная фигура — незнакомец.

Например, есть вот такая история о короле Артуре и о том, как он собрался на конную охоту со своими рыцарями.

Как только король оказался в лесу, он увидел большого оленя. «Он станет моей добычей», — сказал король Артур и, пришпорив коня, долго скакал по следу зверя и уже почти настиг его; но загнанный долгой погоней конь короля упал замертво; тогда слуга подвел королю другого коня. Так король загнал коня насмерть, но все же не упустил своей добычи. Он остановился у родника и сел, задумавшись. И тут ему почудилось, что он слышит лай гончих, числом до тридцати. И к нему вышел самый странный зверь из всех, когда-либо виденных им, и из всех, о которых ему когда-либо довелось слышать; зверь подошел к роднику, чтобы напиться, и шум, исходящий из его брюха, был подобен шуму от тридцати идущих по следу гончих; но все то время, пока зверь пил воду, брюхо его молчало: после чего зверь с громким шумом удалился, оставив короля в крайнем изумлении⁵.

А вот история из совершенно другой части света о девочке племени арапахо с североамериканских равнин. У тополя

она заметила дикобраза и попыталась его поймать, но животное спряталось за дерево и стало карабкаться вверх по стволу. Девочка отправилась за ним, чтобы схватить, но он был проворнее. «Хорошо! — сказала она. — Я залезу на дерево, чтобы поймать дикобраза, потому что мне нужны эти длинные иглы, а если понадобится, то и на самую макушку заберусь». Дикобраз добрался до верхушки дерева, но, как только девочка приблизилась к нему и протянула руки, чтобы схватить, тополь вдруг вырос, а дикобраз карабкался вверх, все выше и выше. Посмотрев вниз, девочка увидела собравшихся внизу друзей, которые, задрав головы, звали ее назад; но ее охватил азарт погони, и, хотя ей было страшно оттого, как высоко она забралась, она продолжала взбираться по дереву, пока не стала казаться крохотной точкой для тех, кто наблюдал за ней снизу, и так вместе с дикобразом она в конце концов добралась до самого неба⁶.

Ил. 12. Исида в облике ястреба следует за Осирисом в подземный мир (резьба по дереву). Египет эпохи Птолемеев, I в. н. э.

Чтобы продемонстрировать спонтанное появление образа глашатая — предвестника в психике, созревшей для преобразования, достаточно будет привести два сновидения. Первое — это сон юноши, который пытается переосмыслить окружающий его мир:

«Зеленая страна, где пасется много овец. Это “страна овец”. Неизвестная женщина стоит в стране овец и указывает мне путь»⁷.

Второй сон приснился девушке, у которой недавно умерла от туберкулеза легких подруга; она боится, что тоже заразилась.

«Я была в цветущем саду; закат был кроваво-красный. И тут передо мной появился черный благородный рыцарь, который проникновенно обратился ко мне глубоким и пугающим голосом: “Пойдешь со мной?” Не ожидая моего ответа, он взял меня за руку и увел с собой»⁸.

Будь то сновидение или миф, во всех этих приключениях образ внезапно возникающего проводника знаменует новый период, новый этап жизненного пути и всегда окружен атмосферой неизъяснимого очарования. То, с чем нужно столкнуться лицом к лицу, и то, что каким-то образом до глубины знакомо бессознательному — хотя и представляется, как нечто неизвестное, удивительное и даже пугающее сознательному Я — открыто заявляет о себе; а то, что прежде было наполнено глубоким смыслом, может удивительным образом утратить свое значение — подобно тому, как мир потускнел для принцессы, после того как ее золотой шарик канул в родник. После этого герой воспринимает все, что он делал раньше, как бессмыслицу, даже если на время снова возвращается к ней. И тогда один за другим появляются знамения — одно мощнее другого, наконец, сопротивляться зову уже невозможно — как в легенде о «четырех знаках», о которой мы сейчас расскажем, самом известном примером зова к приключению в мировой литературе.

Отец юного принца Гаутамы Шакьямуни, Будущего Будды, оградил его от всякого соприкосновения со старостью, болезнью, смертью и монашеством, чтобы тот и не подумал

отрешиться от мира, ибо при рождении принца было предсказано, что он станет либо властелином мира, либо Буддой. Царь, предпочитавший, чтобы его сын тоже стал царем, дал ему три дворца и сорок тысяч танцовщиц, чтобы сын был привязан к плотскому миру. Но это только приблизило неизбежное; ибо еще в весьма юном возрасте принц уже исчерпал для себя сферу плотских радостей и созрел для иных переживаний. И в тот момент, когда он был готов к этому, сами собой появились должные предвестники:

Однажды Будущий Будда пожелал отправиться в парк и велел своему возничему приготовить колесницу. Поэтому слуга подготовил великолепную, изысканную колесницу и, роскошно украсив ее, запряг в нее четырех великолепных лошадей породы синхава, белых, как лепестки лотоса, и объявил Будущему Будде, что все готово. И Будущий Будда сел в колесницу, достойную богов, и отправился в парк.

«Близится время для просветления принца Сиддхартхи, — решили боги, — мы должны послать ему знак»; один из них превратился в дряхлого старика с гнилыми зубами, седыми волосами, кривой и сгорбленной фигурой и, трясясь и опираясь на посох, явился Будущему Будде, но таким образом, что видеть его могли только он и возница.

Тогда Будущий Будда обратился к возничему: «Друг мой, молю тебя, скажи, кто этот человек? Даже волосы его не такие, как у других людей». И, выслушав ответ, он сказал: «Позор рождению, ибо ко всякому, кто родился, должна прийти старость». После чего с волнением в сердце он повернул обратно и вернулся во дворец.

«Почему мой сын так скоро вернулся?» — спросил царь. «Ваше величество, он увидел старика, — прозвучал ответ, — а увидев старика, захотел уединиться от мира». «Ты хочешь убить меня, говоря такие вещи? Быстро распорядись, чтобы сыну моему показали какие-нибудь игры. Если нам удастся развлечь его, он перестанет думать о том, чтобы уединиться от мира». После чего царь расставил стражу на половину лиги в каждом направлении.

И однажды снова, направляясь в парк, Будущий Будда увидел больного человека, посланного богами; и снова расспросив о нем, с волнением в сердце он повернул обратно и вошел в свой дворец.

И опять царь спросил, что произошло, отдал тот же приказ, что и прежде, и снова увеличил охраняемую территорию до трех четвертей лиги вокруг.

И опять в один день, когда Будущий Будда направлялся в парк, он увидел мертвого человека, посланного богами; и снова, расспросив о нем, он повернул обратно и с волнением в сердце вернулся в свой дворец.

И царь задал тот же вопрос и отдал то же повеление, что и раньше; и снова увеличил стражу, расставив ее на расстоянии лиги вокруг.

И наконец, в один день, когда Будущий Будда направлялся в парк, он увидел аккуратно и пристойно одетого монаха, которого послали боги; и он спросил возницу: «Прошу тебя, скажи мне, кто этот человек?» — «Принц, это человек, который уединился от мира»; после этого возникший начал перечислять достоинства уединения от мира. Мысль об уединении от мира понравилась Будущему Будде⁹.

Первая стадия путешествия, описанного в мифе, — которую мы обозначили как «зов странствий», — означает, что судьба призвала героя и теперь его духовные интересы простираются за пределы привычного окружения, устремляясь в область неизвестного. Это судьбоносное обиталище и опасностей, и сокровищ может являться в разных обличьях: как далекая страна, лес, подземное, подводное или небесное царство, таинственный остров, высокая горная вершина или властно охватившее героя сновидение; но здесь всегда обитают причудливые создания, меняющие свой облик, здесь суждены невыносимые мучения, невероятные свершения и невыразимый восторг. Герой может по своей собственной воле отправиться в путь, как Тесею, услышавший по прибытии в Афины, город своего отца, ужасную историю о Минотавре; или же может быть заброшен или отправлен в свое приключение какой-нибудь доброй или злой силой, как

Одиссей, который странствовал по Средиземному морю по воле ветров разгневанного Посейдона. Приключение может начинаться с простой ошибки, как в сказке о принцессе; или герой может просто отправиться на прогулку и вдруг заметить нечто такое, что уведет его прочь с проторенного пути. Таких примеров бесконечно много во всех уголках света.

В этой главе и далее в книге я не предпринимал никаких попыток привести все возможные примеры. Если бы я сделал это, как Фрезер в «Золотой ветви», то объем этой книги значительно бы увеличился, но это ни в коей мере не способствовало бы раскрытию основных мыслей, посвященных мономифу. Вместо этого я привожу в каждой главе несколько особенно ярких и убедительных примеров, опираясь на разрозненные сведения из наиболее репрезентативных для содержания книги традиций. В своей работе я использую сведения из самых разнообразных источников, чтобы читатель смог насладиться различными стилями повествования. Когда будет дочитана последняя страница, он получит представление о невероятном количестве мифов. Если он захочет выяснить, насколько возможно было процитировать их все для каждой из глав, посвященных мономифу, он может просто обратиться к списку литературы, указанному в примечаниях, и погрузиться в чтение многочисленных легенд и сказаний.

---

2. Отказ откликнуться на зов

Часто в реальной жизни и нередко в мифах и народных сказках мы встречаемся с печальной ситуацией, когда герой оставляет зов без ответа; ибо всегда просто отвлечься на что-то другое. Если не откликнуться на зов, то приключение превратится в свою противоположность. Погрузившись в повседневные заботы и тяжкий труд, в так называемую «культуру», человек теряет способность к судьбоносным решительным действиям и становится жертвой, которой уже кто-то другой должен прийти на помощь. Его цветущий мир обращается в пустыню, а жизнь ка-

жется бессмысленной — пусть даже он, подобно царю Миносу, титаническими усилиями сможет создать процветающее государство. Какой бы дом он ни построил, это будет дом смерти: лабиринт с исполинскими стенами, в котором скроют от его глаз Минотавра. Единственное, что ему остается, — создавать себе все новые и новые проблемы для себя и в ожидании той минуты, когда он и его мир рассыплются в прах.

«Я звала, и вы не послушались... За то и я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас; когда придет на вас ужас, как буря и беда, как вихрь принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота». «Потому что упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их»¹⁰.

Time Jesum transeuntem et non revertentem: «Бойся ухода Иисуса, ибо он не вернется»¹¹.

Мифы и народные сказки всего мира убедительно показывают, что такой отказ по своему существу представляет собой нежелание отказаться от так называемых личных интересов. Человек видит в будущем не смерть за смертью и рождение за рождением, вместо этого его собственная система идеалов, добродетелей, стремлений и достоинств кажется ему чем-то незыблемым, непреходящим. Царь Минос присвоил божественного быка, вместо того чтобы принести его в жертву и исполнить божественную волю, он выбрал то, что счел выгодным лично для себя. И так он не выполнил того, что было ему предначертано свыше — и мы все видим, к каким разрушительным и трагическим последствиям это привело. Само божественное предначертание обернулось для него проклятием; ибо очевидно, что, если человек себя обожествляет, то сам Бог, его воля и могущество, уничтожат эгоцентричную систему этого человека, и божество превратится в чудовище.

*Я бежал от Него сквозь ночи и дни;
Я бежал от Него сквозь аркады лет;
Я бежал от Него по запутанным тропам
Ума своего; и в самом сердце страхов своих
Укрывался я от Него и среди звучащего смеха*¹².

Божество преследует человека день и ночь, отражая его собственное Я, заплутавшее в лабиринте психики, сбившейся с пути истинного. Нет пути к спасению: выхода нет. Человек лишь может, как Сатана, яростно цепляться за самого себя и жить в аду; или же быть низвергнутым и, наконец, раствориться в Боге.

*О безрассудный, слабый и слепой,
Я Тот, Кого ты ищешь!
Меня не принимая, ты гонишь от себя любовь¹³.*

Тот же таинственный голос слышен в призыве греческого бога Аполлона, обращенном к убегающей от него девушке Дафне, дочери речного бога Пеней, которую он преследует в долине.

«Нимфа, молю, Пенеида, постой, — кричит ей вслед бог, как в сказке лягушонок звал принцессу. — Не враг за тобою. Беги, умоляю, тише, свой бег удержи, и тише преследовать буду! Все ж полюбилась кому ты, спроси».

Больше хотел он сказать, но полная страха девушка мчится от него и его неоконченной речи. «Снова была хороша! Обнажил ее прелести ветер, сзади одежды ее дуновением встречным трепались. Воздух игривый назад, разметав, откидывал кудри. Бег удвоил красоту. И юноше-богу несносно нежные речи терять: любовью движим самую, шаг прибавил и вот по пятам преследует деву. Так на пустынных полях собака галльская зайца видит: ей ноги — залог добычи, ему ж — спасенья. Вот уж почти нагнала, вот-вот уж надеется в зубы взять и в заячий след впилась протянутой мордой. Он же в сомнении сам, не схвачен ли, но из-под самых песьих укусов бежит, от едва не коснувшейся пасти. Так же дева и бог, — тот страстью, та страхом гонимы. Все же преследователь, крылами любви подвигаем, в беге быстрей; отдохнуть не хочет, он к шее беглянки чуть не приник и уже в разметанные волосы дышит. Силы лишившись, она побледнела, ее победило быстрое бегство; и так, посмотрев на воды Пеней, молвит: “Отец, помоги! Коль могущество есть у потоков, лик мой, молю, измени, уничтожь мой погибельный образ!” Только скончала мольбу — цепенеют тягостно члены, нежная девичья грудь корой окружается тонкой, волосы — в зе-

лень листья превращаются, руки же — в ветви; резвая раньше нога становится медленным корнем, скрыто листвою лицо, — красота лишь одна остается»¹⁴.

Ил. 13. Аполлон и Дафна (резьба по слоновой кости, коптское искусство). Египет, V в. н. э.

Как печально все закончилось, какое разочарование! Аполлон, солнце, властелин времени и бог плодородия, прекратил свою пугающую погоню и вместо этого просто назвал лавр своим любимым деревом, иронично рекомендуя плести из

его листьев венки для победителей. Девушка отступила к образу своего родителя и там нашла защиту — подобно мужу, семейная жизнь которого не задалась, потому что его стремление к материнской любви мешало ему построить отношения с женой¹⁵.

В литературе по психоанализу приводится множество примеров подобных отчаянных фиксаций. Они возникают в результате неспособности оставить свое детское эго, его эмоциональные отношения и идеалы. Детство становится для человека тюрьмой; отец и мать стоят на страже, а его робкая душа, боясь наказания*, не в силах перешагнуть порог и родиться для жизни за его пределами.

Юнг описывает сновидение, которое очень напоминает миф о Дафне. Это сон того же молодого человека, что увидел себя в стране овец — то есть в стране, где невозможна самостоятельная жизнь. Его внутренний голос говорит: «Сначала я должен удрать от отца»; затем, несколькими ночами позднее, «Змея описывает круг вокруг сновидца, который стоит, вросши в землю как дерево»¹⁶. Это образ магического круга, в который личность была заключена дьявольской силой родителя, порождающего эту фиксацию**. Под такой же защитой была и девственность Брунгильды, которая многие годы оставалась просто дочерью Всеотца Вотана под охраной круга огня. Она спала в безвременье, пока не пришел Зигфрид.

Маленькую Спящую красавицу усыпила завистливая ведьма (бессознательный образ злой матери). И в сон погрузилась не только Спящая красавица, но и весь ее мир; но, в конце концов, «после долгих и долгих лет» пришел принц и разбудил ее.

Король с королевой [сознательные образы хороших родителей], которые только что вернулись домой и входили в зал, стали засыпать, а вместе с ними и все королевство. Спали

---

* См. у Фрейда: комплекс кастрации.

** Змей (в мифе образ подземных вод) точно соответствует образу отца Дафны, речному богу Пенею.

лошади в своих стойлах, собаки во дворе, голуби на крыше, мухи на стенах, да и огонь, который мерцал в очаге, застыл и погрузился в сон, а жаркое перестало кипеть. И повар, который собирался оттягать за волосы поваренка за то, что тот что-то забыл, оставил его в покое и уснул. И ветер утих, и ни один листочек не шевелился на деревьях. Затем вокруг замка начала расти колючая живая изгородь, которая с каждым годом становилась все выше, пока не закрыла все королевство. Она выросла выше замка, и уже ничего нельзя было увидеть, даже флюгер на крыше¹⁷.

Однажды целый персидский город «обратился в камень» — царь с царицей, его жители и все вокруг — в наказание за то, что они не вняли зову Аллаха¹⁸. Жена Лота обратилась в соляной столп в наказание за то, что оглянулась назад, когда Яхве велел ей покинуть город¹⁹. Есть также сказание о Вечном Жиде, который был проклят бродить по Земле до Страшного Суда за то, что, когда Христос проходил мимо него, неся свой крест, этот человек, находивший среди людей, стоящих вдоль дороги, крикнул: «Пошевеливайся!». Непризнанный, оскорбленный Спаситель обернулся и сказал ему: «Я пойду, но ты останешься ждать до тех пор, пока я не вернусь»²⁰.

Некоторые из жертв навсегда остаются заколдованными (по крайней мере, насколько нам известно), других ждет спасение. Брунгильду оберегали в ожидании настоящего героя, а маленькую Спящую красавицу спас принц. Молодому человеку, превратившемуся в дерево, потом приснилась незнакомая женщина и, как таинственный проводник в неизведанное, указала ему путь²¹. Не все, кто сомневается, обречены. У психики есть в запасе множество секретов. И они не раскрываются до тех пор, пока этого не потребуют обстоятельства. Поэтому любое затруднительное положение — следствие упрямого нежелания подчиниться зову — может содержать в себе самом ключ к чудесному освобождению.

В действительности добровольная интроверсия является одним из классических атрибутов творческого гения и может

быть использована осознанно. Она направляет психические энергии вглубь, пробуждая затерянные бессознательные детские и архетипные образы. Результатом этого, безусловно, может быть полная или частичная дезинтеграция сознания (невроз, психоз — плачевная участь заколдованной Дафны); но, с другой стороны, если личность способна впитать и интегрировать эти новые силы, то появляется ощущение самосознания почти сверхъестественной степени и способность виртуозно контролировать ситуацию. Это основной принцип индийских йогических учений. По этому пути прошли также многие творческие личности Запада²². Это нельзя считать в полной мере реакцией на некий особый зов. Скорее, это осознанный категорический отказ отзываться на что-либо, кроме пока еще смутных требований какого-то внутреннего пространства, которое ждет, когда придет его время, отказ от привычных, навязанных извне обыденных норм жизни, в результате чего сила перевоплощения создает проблемы, сталкиваясь с новыми мощными силами, где внезапно и окончательно ситуация разрешается.

Такая проблема героя проиллюстрирована в чудесном приключении принца Камар-аз-Замана и принцессы Будур из сказок «Тысячи и одной ночи». Юный и красивый принц, единственный сын царя Персии Шахрамана, упорно отвергал неоднократные увещания, предложения, требования и, наконец, повеления своего отца жениться, как подобает нормальному человеку. Когда эта тема была затронута впервые, юноша ответил: «О мой отец, знай, что у меня нет стремления жениться, и душа моя не расположена к женщинам, ибо много книг я прочел и немало слышал разговоров об их лукавстве и вероломстве, и как сказал поэт:

*О женщинах меня ты спрашиваешь,
Я отвечаю: На редкость сведущ я в делах их!
Коль голова сидит у мужчины и кошелек пустеет,
Не пользуется он благосклонностью у них.*